

УДК 94(470.344)"19":341.344
ББК 63.3(2Рос.Чув)631,7

Научная статья

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ В 1945 — 1949 ГОДАХ

Н. Б. Смирнова

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия,
da777L@yandex.ru

Аннотация. В статье на основании недавно рассекреченных материалов изучены особенности процесса следствия и судопроизводства над иностранными военнопленными и интернированными, осужденными по политическим мотивам на территории Чувашской АССР в 1945 — 1949 гг. Проанализирован состав данной категории лиц, выделены основные пункты обвинения, изучены мотивы привлечения к уголовной ответственности военнопленных и интернированных, состав преступлений, особенности ведения следствия и организации судебных процессов, определены сроки осуждения спецконтингента и охарактеризованы основные принципы проведения реабилитации.

Ключевые слова: военнопленные, интернированные, уголовная ответственность, статья 58, Чувашская АССР, судебное преследование

Для цитирования: Смирнова Н. Б. Привлечение к уголовной ответственности по политическим мотивам иностранных военнопленных и интернированных на территории Чувашии в 1945 — 1949 годах // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 3. С. 96 — 113

© Смирнова Н. Б., 2025

Scientific article

CRIMINAL PROSECUTION FOR POLITICAL REASONS OF FOREIGN WAR PRISONERS AND THE INTERNEES ON THE TERRITORY OF CHUVASHIA IN 1945 — 1949

N. B. Smirnova

Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia,
da777L@yandex.ru

Abstract. The specifics of the investigation and trial of foreign war prisoners and the internees convicted on political reasons on the territory of the Chuvash ASSR during 1945 — 1949 have been studied based on recently declassified materials in this article. The composition of this category of persons has been analyzed, the main point charges have been highlighted, the prosecution motives of war prisoners and internees have been studied, the constituent elements of a crime, the specifics of conducting investigations and organizing trials, the terms of the special prisoners' conviction have been determined as well as the basic principles of rehabilitation have been described.

Keywords: war prisoners, the internees, criminal liability, article 58, Chuvash ASSR, prosecution.

For citation: Smirnova N. B. Criminal prosecution for political reasons of foreign war prisoners and the internees on the territory of Chuvashia in 1945 — 1949 // Modern humanities. 2025;1(3):96 — 113

Аслалӑх статийи

1945 — 1949 ÇУЛСЕНЧЕ ЧӐВАШ ЕН ТЕРРИТОРИЙӐНЧЕ ЮТ ÇӐР-ШЫВСЕН ÇЫННИСЕНЕ — ТЫТКӐНА ЛЕКНИСЕНЕ ТАТА ИРӐКСӐР ТЫТСА ЧАРНИСЕНЕ — ПОЛИТИКА СӐЛТАВӐПЕ УГОЛОВЛӐ ЯВАП ТЫТТАРНИ

Н. Б. Смирнова

ЧӐваш патшалӑх гуманитарӑ аслалӑхӑсен институтӑ,
Шупашкар хули, Раççей
da777L@yandex.ru

Аннотаци. Статья нумаях пулмасть усӑ курма ирӐк панӑ материалсене тӑпе хурса ЧӐваш АССРӑнче 1945 — 1949 çç. ют çӐр-шивсен политика сӐлтавӑпе айӑпланӑ çыннисене — тыткӑна лекнисене тата ирӐксӑр тытса чарнисене — следствипе суд тунин уйрӑмлӑхӑсене тӑпченӑ. Асӑннӑ ушкӑнри çынсен йышне тишкернӑ, айӑплавӑн тӑп пункчӑсене палӑртнӑ, тыткӑна лекнӑ тата ирӐксӑр тытса чарнӑ çынсене уголовлӑ яваплӑх тыттарнин сӐлтавӑсене, преступленисен йышне, следстви ирттернин уйрӑмлӑхӑсене тата суд ӑсене йӑркеленине тишкернӑ, спецконтингента айӑпласа явап тыттарнин срокӑсене палӑртнӑ тата реабилитаци ирттернин тӑп принципӑсене хакланӑ.

Тӑп сӑмахсем: тыткӑна лекнӑ çар çыннисем, ирӐксӑр тытса чарнисем, уголовлӑ яваплӑх, 58-мӑш статья, ЧӐваш АССРӑ, судла йӑрлени

Цитатӑлама: Смирнова Н. Б. 1945 — 1949 çулсенче ЧӐваш Ен территорийӑнче ют çӐр-шивсен çыннисене — тыткӑна лекнисене тата ирӐксӑр тытса чарнисене — политика сӐлтавӑпе уголовлӑ явап тыттарни // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 3 №. С. 96 — 113

Введение

Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью приложения целенаправленных усилий, ориентированных на защиту исторической правды, когда попытки фальсификации истории и манипулирование общественным сознанием с помощью новых технологий стали частью информационной войны. Согласно ч. 3 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации, «Россия чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается». Это конституционное положение направлено на противостояние попыткам пересмотреть роль СССР во Второй мировой и Великой Отечественной войнах, представить советский народ в качестве народа-агрессора, принизить его значение в победе над гитлеровской Германией и ее сателлитами. Искажение исторических фактов подрывает государственные устои, так как ослабляет патриотические чувства молодежи, веру в справедливость, которые лежат в основе суверенитета государства [12, с. 13 — 14]. С этих позиций обращение к теме привлечения к судебной ответственности за контрреволюционные преступления на основании ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР иностранных военнопленных и интернированных¹ вполне обосновано.

Согласно Закону Российской Федерации от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий», в 1990 — 2000-е гг. активно проводился пересмотр уголовных дел советских и иностранных граждан, в том числе военнопленных и интернированных, осужденных по политическим мотивам. У род-

¹ Интернирование (от франц. *interner* — водворять на жительство) — в международном праве принудительное задержание одним воюющим государством граждан другого воюющего государства или нейтральным государством — военнослужащих воюющих сторон.

ственников появилась возможность больше узнать о судьбе своих близких во время отбывания наказания. Неоднократные обращения с данными запросами в различные инстанции — тому подтверждение. Выявление новой информации о судебном преследовании военнопленных и интернированных и ее объективный анализ имеют научную и практическую значимость.

Объектом нашего исследования являются военнопленные и интернированные граждане фашистской Германии и стран-сателлитов, находившиеся на территории Чувашии. Предмет исследования — особенности судебного преследования данного спецконтингента по политическим мотивам. Хронологические рамки статьи охватывают период с 1945 по 1949 г. Нижний рубеж связан с тем, что в это время сеть учреждений НКВД (МВД) для содержания военнопленных и интернированных была развернута и активно функционировала. Кроме того, в республике уже имели место первые аресты спецконтингента по ст. 58. Выбор верхней границы обусловлен завершением репатриации и расформированием последнего учреждения МВД для содержания военнопленных и интернированных. В работе имеется отступление от указанных хронологических границ при рассмотрении дальнейших судеб арестованных и вопроса их реабилитации.

Материалы и методы

Источниковую основу статьи составляют документы, выявленные в фонде 57 Информационного центра МВД Чувашской Республики (ИЦ МВД ЧР) и в фонде Комитета государственной безопасности Чувашской АССР (КГБ Чувашии) (Ф. Р-2669) Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР). При написании статьи применены принципы историзма, объективности и системности, использованы следующие методы исследования: историко-генетический, аналитический, проблемно-хронологический и фактологический. Используя историко-генетический метод, были выявлены причинно-следственные связи в истории судебного преследования военнопленных и интернированных. Аналитический метод позволил более глубоко познать особенности следственного процесса и организации судопроизводства по обвинению спецконтингента в антисоветской деятельности. С помощью фактологического метода были конкретизированы отдельные положения исследования. Путем обобщения полученных результатов сформулированы выводы.

Результаты исследования и их обсуждение

Военный плен и интернирование являются неизбежным следствием вооруженных конфликтов. В период Великой Отечественной войны на территории СССР оказались более 4 млн пленных солдат и офицеров вермахта и около 700 тыс. интернированных гражданских лиц, перемещенных с захваченных территорий для трудового использования [13, с. 3]. Они содержались в лагерях и отдельных рабочих батальонах — специальных подразделениях численностью до 1000 чел., имевших собственное руководство и выполнявших самостоятельные производственные задачи. В результате успешных военных операций Красной Армии на советско-германском фронте число военнопленных и интернированных резко возросло, росла и численность учреждений НКВД (МВД) для их содержания. Они активно стали формироваться в отдаленных от боевых действий регионах страны. Так, в Чувашии начиная с 1945 г. была развернута сеть лагерей и рабочих батальонов. На ее территории функционировали Чебоксарский лагерь № 509 и Алатырский лагерь № 463, отдельные рабочие батальоны № 369, 1101, 1102 и 1115. Местами дислокации последних были города Алатырь, Чебоксары и Канаш.

В с. Беловолжское, в 1,7 км к юго-западу от пос. Козловка, действовал спецгоспиталь № 3064. В последний год войны и послевоенный период в учреждениях НКВД (МВД) Чувашии находилось около 5 тыс. иностранных военнопленных и интернированных².

В отечественной историографии история военного плена и интернирования изучена по многим аспектам. Исследователями был проведен значительный объем работы. Сформировались региональные научные центры — Волгоград, Вологда, Екатеринбург, Иркутск, Новосибирск, Чита, Ярославль, Красноярск и др. [13, с. 4]. Тем не менее практика осуждения данного спецконтингента по политическим мотивам не была предметом специального анализа до 1990-х гг., когда стало возможным использование ранее закрытых источников.

Одним из первых российских исследователей обратился к данной проблеме В. П. Галицкий, который, в частности, подсчитал количество военнопленных и интернированных, осужденных в СССР по ст. 58 [1]. А. А. Крупеников на основе анализа источников пришел к выводу, что на практику судебного преследования по отношению к спецконтингенту могли оказать влияние как начавшаяся «холодная война», так и нежелание отпускать из страны «враждебных и нелояльных к советскому строю немцев» [6]. А. Е. Епифанов изучил организацию и деятельность советских карательных органов по уголовному преследованию военнопленных [2; 3]. Т. А. Щелокаева исследовала правовой статус иностранных военнопленных и интернированных в СССР и вопрос об их уголовной ответственности за совершенные на советской территории преступления³. Заметный вклад в изучение данной проблемы внес В. Б. Конасов [4]. Ему удалось собрать значительный фактический материал, на основе которого были рассмотрены подготовка и проведение судебных процессов и статистические данные о репрессивной политике по отношению к немецким военнопленным. В. Б. Конасов и А. Л. Кузьминых отмечают, что исследователь Н. В. Петров в своей статье «Немецкие военнопленные в руках сталинской юстиции» (на немецком языке) сделал обоснованный вывод, что ответственность за политические преступления была более суровой, чем за уголовные, например, кражи, хулиганство и т. д. Он относит ст. 58 к одним из частых оснований, которые позволяли осуществлять судебное преследование военнопленных. Автор также выделил три основных этапа репрессивной политики по отношению к спецконтингенту: открытые судебные процессы 1943 — 1947 гг. и практика первых закрытых процессов; промежуточный этап (с начала 1948 по октябрь 1949 г.); завершающий этап (ноябрь 1949 — март 1953 г.) — массовые закрытые судебные процессы [5, с. 38 — 39]. А. Л. Кузьминых проанализировал особенности проведения судебных процессов над иностранными военнопленными, в том числе по политическим мотивам, с конкретными примерами [7, с. 385 — 386; 8, с. 370 — 381].

Вопросы реабилитации спецконтингента также нашли отражение в ряде работ. Например, В. П. Мотревич изучил особенности реабилитационного процесса в 1990-е гг. По его мнению, в этот период положительное решение о реабилитации и признании военнопленных жертвами политических репрессий часто

² Малясова Н. Б. Военнопленные и интернированные Второй мировой войны на территории Чувашской АССР: состав, размещение, трудовое использование: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2012. С. 97, 102, 109, 117, 120.

³ Щелокаева Т. А. Правовой статус иностранных военнопленных в СССР: 1939 — 1956: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. 194 с.

принималось из-за нарушения правовых норм при их осуждении в 1940-е гг. [10, с. 331]. Особенности восстановления прав и свобод осужденных немецких военнопленных, отраженные в международном и российском законодательстве, проследили А. Г. Петров и О. В. Петрова [11].

Рассматриваемая тема затрагивается исследователями и на региональном уровне, что позволяет составить более точное представление о привлечении к уголовной ответственности спецконтингента на местах. Например, следует отметить публикации историка Н. В. Суржиковой [14; 15, с. 36 — 37]. Изучив особенности преследования по политическим мотивам спецконтингента на Среднем Урале, она не исключает вероятности осуждения наряду с виновными военнопленных и интернированных, непричастных к преступлениям [15, с. 38]. В Чувашии данный вопрос историками практически не разрабатывался в связи с закрытием доступа к соответствующим архивным документам. Определенный фактический материал имеется в диссертационном исследовании автора данной статьи⁴.

Правовой статус военнопленных в основном регулировался Гаагскими конвенциями 1899 и 1907 гг. и Женевскими конвенциями 1929 и 1949 гг., Положением о военнопленных 1941 г. и международными договорами. Положение интернированных не было четко определено в нормативных актах, тем не менее они содержались в аналогичных с военнопленными условиях. Впоследствии их объединило то, что в дальнейшем к данным категориям лиц стало осуществляться судебное преследование по обвинению в совершении различных преступлений. Широко применялось и осуждение по политическим мотивам на основании ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР. В данном случае не имелось противоречия международным правовым нормам. Гаагская 1907 г. и Женевские конвенции вполне допускали возможность привлечения военнопленных к суду по нормам национального законодательства и отбывание наказания на территории другого государства⁵. Кроме того, это определялось универсальным принципом уголовного права: иностранный гражданин, совершивший преступление на территории другого государства, несет ответственность по законам и перед судом того государства⁶.

По данным В. П. Галицкого, к уголовной ответственности по ст. 58 в СССР было привлечено более 7 тыс. иностранных военнопленных и интернированных. Из них в 1955 г., к моменту освобождения, в местах заключения находились 6407 чел. из 6 стран [1, с. 6]. В данную статистику не входят подследственные. Они арестовывались по подозрению в совершении преступления, но по каким-либо причинам не были осуждены, так как следственным органам не удалось собрать достаточно доказательной базы. В ГИА ЧР имеется список осужденных и подследственных военнопленных и интернированных, в котором насчитывается 25 чел.⁷ По социальному происхождению они были в основном из рабочих и крестьян (бауэров), в том числе зажиточных (гроссбуэров), в большинстве имели среднее образование. Возрастной состав военнопленных

⁴ Малясова Н. Б. Военнопленные и интернированные Второй мировой войны на территории Чувашской АССР: состав, размещение, трудовое использование. С. 123.

⁵ Кузьминых А. Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт: 1939–1956 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Архангельск, 2014. С. 31.

⁶ Там же.

⁷ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-2669. Оп. 3. Д. 3520. Л. 103.

и интернированных начинается с 1907 года рождения и заканчивается 1928 г. По национальности преобладали немцы. Военнопленными, осужденными по политическим мотивам, были только мужчины, а среди интернированных лиц большинство составляли женщины из Восточной Пруссии. Военнопленные были солдатами вермахта, но среди них имелась особая категория: немцы — уроженцы временно оккупированных территорий СССР (в частности, Украины). По мере приближения Красной Армии к данным районам немецкие войска отступали и постепенно выходили за пределы границ Советского Союза. Воспользовавшись этим, советские немцы присоединялись к ним. Приняв немецкое гражданство и дав присягу на верность Гитлеру, эти немцы стали служить в вермахте и участвовать в военных действиях против СССР. Согласно советскому законодательству, они также имели статус военнопленных в отличие от лиц с советским гражданством, которые именовались как репатрианты.

С первых дней функционирования лагерей и отдельных рабочих батальонов в них активно велась оперативная работа по выявлению военных преступников. Оперуполномоченными учреждений НКВД (МВД) интенсивно налаживались контакты со спецконтингентом с целью вербовки осведомителей. Некоторые из них соглашались на сотрудничество в обмен на различные поощрения. Их подлинные имена зашифровывались под различными псевдонимами. Например, среди контингента отдельного рабочего батальона № 1102, дислоцированного в г. Канаш, фигурировали такие источники информации, как «Регель», «Лазарет», «Пох», «Иоганн», «Шмих», «Краузе», «Михальски»⁸. Благодаря их деятельности осуществлялся сбор сведений на того или иного подозреваемого и формировалась первичная компрометирующая база. Например, источник «Лазарет» обвиняет в саботаже и вредительстве на Канашском вагоноремонтном заводе интернированного отдельного рабочего батальона № 1102 Вилли Мельхера. Источник «Регель» сообщает об угрозах немки Эрмгард Эртман из указанного подразделения на данном предприятии вывести из строя сверлильный станок⁹. Если факты антисоветской деятельности находились неоднократно, определялся круг подозреваемых, в отношении которых проводилось предварительное следствие с использованием свидетельских показаний.

В Чувашии судебное преследование по политическим мотивам иностранных военнопленных и интернированных велось в основном в послевоенные годы. Первые аресты спецконтингента фиксируются в конце 1945 г., последние — в 1949 г. Пик пришелся на 1947 г., когда было арестовано 12 чел. В 1948 — 1949 гг. происходит снижение динамики арестов. Возможно, это было связано с тем, что военнопленные и интернированные стали более осторожными в высказываниях и действиях. Аресты производились на основании постановления и санкционировались прокурором Чувашской АССР. Как правило, они осуществлялись на следующий день после оформления постановления. Были и исключения: процедура ареста могла быть произведена и через несколько дней. Основные пункты обвинения военнопленных в республике следующие: ст. 58, п. 10 — пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений; ст. 58, п. 1а — измена Родине (в отношении советских немцев, перешедших на

⁸ ИЦ МВД ЧР. Ф. 57. Оп. 1. Д. 4. Л. 2 — 4.

⁹ Там же. Л. 2, 3.

службу в вермахт и получивших немецкое гражданство). Обвинение большинству интернированных граждан также выдвигалось за антисоветскую агитацию. Некоторые из них обвинялись по ст. 58, п. 14 — в контрреволюционном саботаже, то есть сознательном неисполнении определенных обязанностей или умышленно небрежном их исполнении с целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата. В стране, давно провозгласившей победу социалистической революции, широкое хождение определения «контрреволюционный» обнажало не только превратности процессов категоризации, но и деградацию юридической культуры, которой была навязана альтернатива недопустимого упрощенчества и стандартизации ее системообразующих компонентов. Вполне очевидно, что к концу 1940-х гг. смысл понятия «контрреволюционные преступления» в сравнении с 1920-ми гг. не просто значительно изменился, в какой-то момент его смыслов стало слишком много, в результате чего термин «контрреволюционный» утратил всякую рамку, перестав быть термином [15, с. 36].

По мнению Н. В. Суржиковой, к военнопленным и интернированным применялся принцип «презумпции виновности». Обвиняемые изначально считались виновными, пока им не удавалось доказать отсутствие вины, что, по версии исследователей, было обусловлено подозрительным отношением к ним как иностранным гражданам [1, с. 4]. Данная позиция способствовала упрощению вынесения обвинительного приговора. Что касается состава преступлений, то он мог быть различным. Военнопленным ставилось в несомненную вину то, что они служили в немецкой армии и принимали участие в боях против советских войск. В качестве отягчающего обстоятельства выступало и воспитание в нацистском духе, которое подразумевало враждебное отношение к Советскому Союзу¹⁰. Интернированные также считались виновными из-за их воспитания в ненависти к Советскому Союзу, членства в нацистских организациях и оказания любой помощи солдатам вермахта до прибытия в Советский Союз. Например, интернированная отдельного рабочего батальона № 1101 Марта Брайтмуз была обвинена в том, что, находясь в Восточной Пруссии, участвовала в сборе теплых вещей и денег для немецкой армии и уничтожала советские листовки, которые сбрасывались с самолетов¹¹. Таким образом, преступление, совершенное до захвата в плен или интернирования, фиксировалось в материалах уголовного дела. Например, у интернированной Кристель Кригер из рабочего батальона № 1115 датами совершения преступления обозначены 1941 — 1946 гг.

Применительно к ст. 58, п. 10 обвинение могло трактоваться весьма широко. Оно могло включать в себя антисоветские высказывания, террористические намерения в адрес политических деятелей и администрации лагерей. Также обвинению способствовали высказывания относительно евреев и представителей других национальностей, разговоры о возможной перспективе будущей войны между СССР и США, недовольство результатами Нюрнбергского процесса. Преследование по политическим мотивам военнопленных велось и по обвинению в составлении провокационных лозунгов, в различных действиях, направленных на формирование ненависти к советскому строю, в восхвалении гитлеровского режима и др. Особенно это хорошо заметно на примере группового дела военнопленных Алатырского лагеря № 463 Генриха Клейна, Рудольфа Шенау и Вилли

¹⁰ ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 3. Д. 3484. Л. 1.

¹¹ Там же. Д. 3520. Л. 7 об.

Августа Байера. Они были командирами рабочего батальона, роты и взвода¹² лагеря соответственно и осуждены в 1947 г. Так, Г. Клейн обвинялся в том, что часто позволял себе высказывания против евреев и других национальностей, в частности, говорил, что руководящие посты в лагере должны занять только немцы, а не евреи, и они обязаны подавлять еврейскую национальность, так как являются более культурной нацией¹³.

В материалах уголовного дела был зафиксирован и такой случай. Осенью 1946 г. в лагере готовился митинг военнопленных, посвященный обсуждению приговора Нюрнбергского процесса. На нем должна была быть принята резолюция, подготовленная антифашистским активом. Г. Клейн собрал командиров рот и заявил: «Этот митинг мы должны сорвать. Нюрнбергский процесс и создание правительства Германии есть дело самих немцев, а не дело других наций, особенно евреев. Мы по-своему должны обсудить этот приговор с немцами». Однако митинг сорвать не удалось, так как другие пленные были против этого¹⁴. Относительно советского народа имели место высказывания о его некультурности и отсталости от немецкого, о низкооплачиваемом труде и плохом материальном положении советских граждан¹⁵.

Среди контингента лагеря имело место жестокое обращение военнопленных, получивших определенную власть, с другими обитателями данного учреждения МВД. Несмотря на то, что они находились в руках советской пенитенциарной системы, многие не поддавались перевоспитанию, оставаясь убежденными нацистами, и применяли гитлеровские методы воздействия. Так, пользуясь тем, что в лагере часто наблюдались невыполнение производственных норм и воровство, Г. Клейн как командир батальона в начале декабря 1946 г. собрал командиров рот и взводов и объявил, что нужно вести беспощадную борьбу с симулянтами, саботажниками и теми, кто не выполняет производственные нормы и нарушает дисциплину. Также он сделал провокационное заявление: «С сегодняшнего дня у нас в лагере должен быть другой режим. Нужно все меры принять к тому, чтобы не было нарушений, в крайнем случае, военнопленных надо бить — это разрешили офицеры, руководство лагеря»¹⁶. В действительности же такого разрешения не было. В результате командиры рот и взводов, уверенные в полной безнаказанности, систематически практиковали избиение подчиненных за различные проступки. Например, один немец украл личные вещи у другого военнопленного. Г. Клейн собрал контингент барака и в присутствии всех повесил виновнику кражи на шею вывеску с надписью «Я украл» на немецком языке, после чего данный пленный был избит¹⁷. Кроме того, в декабре 1946 г. и январе 1947 г. по

¹² Подразделения, создававшиеся согласно приказу НКВД СССР № 00311 от 16 апреля 1945 г. в целях укрепления лагерной дисциплины и повышения качества работы. Они вводились вместо бригадной системы организации труда и формировались в основном по национальному признаку. Обычно их командирами назначались военнопленные из офицеров и унтер-офицеров, пользовавшиеся доверием лагерного начальства. Батальон насчитывал 600 — 700 чел., рота — 150 — 160 чел., взвод — около 40 чел.

¹³ Например, за антифашистскую работу в лагере отвечал военнопленный венгерский еврей Йозеф Сегеди, а командиром отделения № 2 Алатырского лагеря был майор Г. Ф. Юденков, тоже по национальности еврей (ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 3. Д. 3484. Л. 50).

¹⁴ ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 3. Д. 3484. Л. 60 об.

¹⁵ Там же. Л. 195 об.

¹⁶ Там же. Л. 66 об.

¹⁷ Там же. Л. 55 об.

личному указанию Г. Клейна по 5 — 6 чел. из контингента ежедневно работали до 12 часов ночи. Военнопленные убрали и вывозили снег из лагерной зоны, чистили уборные, кололи дрова, таскали воду на кухню и т. д.¹⁸ Приказ об использовании тех или иных людей на ночных работах Г. Клейн отдавал через дежурного по батальону. После напряженного рабочего дня ночной труд резко негативно отражался на физическом состоянии пленных. Проработав до полуночи, они могли спать только до 5 часов утра, а с 7 часов должны были работать целый день на открытом воздухе. Таким образом, не отдохнув должным образом ночью, военнопленные не могли выполнять дневную нагрузку и получали пониженную норму питания, например, вместо супа им давали хлеб и бульон. Некоторые привлекались к работе по ночам очень часто. В условиях зимних холодов их организм истощался, люди теряли работоспособность, длительное время находились на лечении в лазарете. Так, военнопленный Гензе Вернер Эрнст был госпитализирован 17 января 1947 г., а выздоровление наступило 7 мая 1947 г.¹⁹ Впоследствии он дал подробные свидетельские показания о преступной деятельности Г. Клейна. В результате подобных действий у контингента, как отмечается в документе, сформировалась «враждебность к руководству лагеря и Советскому Союзу»²⁰.

В конце августа 1946 г. судетские немцы лагеря решили направить ходатайство советскому правительству, чтобы ускорить репатриацию. Они мотивировали это тем, что после окончания войны являются гражданами Чехословакии, а не Германии. В присутствии ряда свидетелей Г. Клейн угрожал им мстостью за измену Германии и Гитлеру. В результате его угроз план досрочного возвращения судетских немцев на родину сорвался. Относительно будущей войны Г. Клейн заявлял, что будет воевать в качестве летчика на стороне США и Англии против СССР²¹.

В связи с невозможностью открыто выразить антисоветскую позицию, некоторые военнопленные использовали более изощренные методы. Например, командир рабочей роты Алатырского лагеря № 463 Рудольф Шенау обвинялся в составлении провокационных лозунгов. Во время подготовки к празднованию 29-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, используя свое служебное положение как командира роты, он составил собственные лозунги и заставил лагерного художника написать их на досках. Содержание лозунгов было следующим: «Да здравствует Красная Октябрьская революция!»; «Сталин — освободитель рабочих и крестьян!»; «Сталин разгромил фашизм!»; «Маркс и Энгельс — создатели социализма!»; «Тельман — жертва фашизма, борец за социализм!»; «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»; «Да здравствует Красная Армия — гарантия мира для всех народов!»²². Первый и последний из них оказались с двойным смыслом. Согласно показаниям свидетелей, Р. Шенау так объяснял текст, в частности, первого лозунга: «...Своим лозунгом “Да здравствует Красная Октябрьская революция!” я хотел показать военнопленным немцам, что эта революция нужна красным, т. е. большевикам, и ничего общего не имеет с немецким народом. Но должен сказать, что русские свою революцию хотят распространить на весь мир, хотя и вычеркивают слова “Красная революция”»²³.

¹⁸ ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 3. Д. 3484. Л. 67.

¹⁹ Там же. Л. 68 об.

²⁰ Там же. Л. 69.

²¹ Там же. Л. 106 об.

²² Там же. Л. 132.

²³ Там же. Л. 12.

Ответственному за антифашистскую работу Алатырского лагеря военнопленному Йозефу Сегеди лозунги Р. Шенау показались подозрительными, так как они не были официальными, и он потребовал их убрать, что было сделано. Однако Р. Шенау на этом не остановился. В период подготовки лагерной стенгазеты он дал указание художнику написать в ней лозунг «Красная Армия — гарантия мира для всех народов!». В управлении лагеря ему велено было исправить «Красная Армия» на «Советская армия». Вернувшись в лагерь, он заявил в присутствии свидетелей, что ему «надоело вести антифашистскую работу такого содержания, какое предлагают русские»²⁴.

Кроме того, Р. Шенау обвинялся в участии в издевательствах над пленными и направлении их на ночные работы. Поводов для этого находилось довольно много. Значительную роль играла личная неприязнь. Так, в роте, возглавляемой Р. Шенау, был военнопленный Эдуард Коун, который однажды сказал, что до войны часто встречал его в берлинском ресторане. После этого разговора Р. Шенау стал его постоянно притеснять: ставил на самые тяжелые работы, запрещал курить, после работы на морозе не разрешал греться вместе с остальными. В результате тот не выдержал и решился на побег. Скорее всего, он искал смерть, так как вероятность погибнуть от пули охранника была выше, чем убежать. Именно так все и произошло²⁵. От руки Р. Шенау погиб военнопленный, который трудился на строительстве гаража «Алатырстроя». Сначала он работал хорошо, но из-за тяжелых земляных работ ослаб и сказал Р. Шенау, что не может работать. В ответ он ударил его несколько раз кулаком по голове, после чего тот упал. Пленного перенесли в стационар, где на следующий день он умер²⁶.

Состав преступления В. А. Байера заключался в основном в высказываниях различного толка относительно советских офицеров и немецких коммунистов, возможности новой войны против Советского Союза и восхвалении гитлеровского режима. Например, согласно материалам дела, он говорил: «Было бы очень хорошо, если бы Германия выиграла войну. Мы, немцы, были бы господами, приказывали, а остальные народы Европы работали бы на нас». Также он восхвалял газовые камеры, называя их замечательным способом уничтожения людей²⁷.

Военнопленные Алатырского лагеря имели возможность выезжать в командировки в Чебоксары и навещать интернированных немцев в рабочем батальоне № 1101, вести переписку. В октябре 1946 г. военнопленные получили письмо от этих женщин, где они писали о плохом питании, о множестве клопов и вшей в бараках и тяжелой работе на производстве. После прочтения письма В. А. Байер в присутствии свидетелей заявил о желании уничтожить советских офицеров из охраны рабочего батальона, чтобы они не издевались над его соотечественницами²⁸.

Военнопленные Чебоксарского лагеря № 509 Фердинанд Соллер и Герберт Трестер, будучи на оккупированной немецкими войсками территории, приняли присягу на верность Гитлеру и добровольно вступили в дивизию «Бранденбург», участвовали в боях против югославских партизан²⁹. В 1945 г., на момент плене-

²⁴ ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 3. Д. 3484. Л. 13.

²⁵ Там же. Л. 16, 68 об.

²⁶ Там же. Л. 206 об.

²⁷ Там же. Л. 113 об.

²⁸ Там же. Л. 129.

²⁹ «Бранденбург» — специальное формирование германских вооруженных сил, созданное в 1940 г. на основе батальона особого назначения.

ния, они находились в Восточной Пруссии в составе моторизованной дивизии «Великая Германия» и воевали против Красной Армии. Советский немец Рафаил Штурн в марте 1944 г. с отступавшими солдатами вермахта переместился в Германию, где принял немецкое гражданство³⁰.

Что касается интернированных, то они в основном обвинялись в намеренном срыве производственного задания различными методами — призывами не выходить на работу, выводом из строя оборудования, симуляцией какого-либо заболевания. К уголовной ответственности по ст. 58 привлекали наиболее злостных нарушителей рабочего режима. Например, призывая не выходить на работу, интернированная рабочего батальона № 1101 Хедвиг Хених говорила: «Зачем нам здесь работать на такой тяжелой работе? Все сдохнем от такой работы, и домой нам никогда не придется вернуться, лучше надо бросать всем сразу работать, и тогда нас отпустят домой скорее»³¹. Х. Хених совместно с М. Брайтмуз высказывали бригадиру, что ничего, кроме вреда, от работы на русских нет, и работать они не будут. Во время погрузки торфа они призывали других немцев коллективно бросать работу и тормозить выполнение дневной нормы, что сами систематически и делали. Интернированная К. Кригер из рабочего батальона № 1115 на заводе № 654 (ныне Чебоксарский электроаппаратный завод) отказывалась от работы, уходила из цеха и заставляла это делать других. Кроме того, она пыталась повредить мотор пилорамы³².

Гейнц Фриц Дамс из указанного подразделения проводил агитацию за срыв производственного задания по погрузке торфа на Заволжском торфопредприятии. Так, 6 декабря 1948 г. во время погрузки торфа один вагон сошел с рельсов. Его необходимо было поднять и продолжить работу, однако Г. Ф. Дамс отказался и призвал остальных интернированных вернуться в зону батальона: «Зачем нам так поздно работать? Если мы приступим к работе, то это может протянуться до 11 часов ночи. Давайте бросим работать и пойдем домой»³³. В результате две бригады ушли, оставив недогруженными четыре вагона, что создало угрозу срыва снабжения топливом Заволжской электростанции. В июле — августе 1949 г. Г. Ф. Дамс систематически призывал не работать на Советский Союз: «От того, что мы усердно работаем, нам никакой пользы нет, надо меньше работать на русских»³⁴. Он пытался остановить машину по торфодобыче путем отвинчивания гайки от ролика, умышленно перегружал пресс излишней массой торфа, постоянно игнорировал распоряжения командования батальона, техников и бригадиров³⁵.

В качестве обвинения интернированных по политическим мотивам могли быть выдвинуты высказывания различного характера. Например, против Гельды Венцель из рабочего батальона № 1115 были использованы ее слова о том, что надо сжечь жилые бараки, чтобы быстрее выпустили на свободу. 27 августа 1946 г. она нелестно высказалась в адрес коммунистов: «Коммунисты — это собаки, фальшивые люди, обещают много, а на деле не выполняют, обманым путем существуют»³⁶. Среди интернированных также имели место случаи

³⁰ ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 3. Д. 5127. Л. 12.

³¹ Там же. Д. 3520. Л. 14 об.

³² Там же. Д. 3666. Л. 7 об.

³³ Там же. Д. 4785. Л. 24.

³⁴ Там же. Л. 3.

³⁵ Там же. Л. 4.

³⁶ Там же. Д. 3520. Л. 9.

восхваления Гитлера и нацистского режима. Например, М. Брайтмуз говорила: «Гитлер был умным, хорошим человеком, в Германии при гитлеризме было всего вдоволь и немцы не знали никакого горя»³⁷.

При анализе архивно-следственных дел военнопленных и интернированных обращает на себя внимание малочисленность компрометирующих документов и отсутствие в них материалов предварительного расследования, хотя в постановлениях на арест имеются ссылки на показания свидетелей. Инициативным документом для возбуждения уголовного дела обычно служило постановление на арест. Если подследственные отказывались от показаний, то они могли быть оправданы за недостаточностью улик. Поэтому для следователей представлялось весьма важным найти как можно больше компрометирующей информации об обвиняемых. В целях поиска вещественных доказательств обязательно производился обыск, не всегда имевший успех. В основном находили только личные вещи: письма, фотографии, предметы быта. Значительное внимание уделялось проведению очных ставок и сбору показаний свидетелей. Допросы последних отличались особой тщательностью и длились в течение нескольких часов. Соответствующие протоколы обычно занимали до 50 % уголовного дела. Тем не менее это не всегда помогало добиться признания вины. Например, во время очной ставки 16 мая 1947 г. военнопленный Г. Клейн вел себя вызывающе, отказался отвечать на вопросы следователя и не подписал протокол. В результате был отправлен в карцер на трое суток³⁸. 20 июня 1947 г. он не только отказался от прежних показаний, но и не хотел давать новые и поставить подпись в протоколе. Согласно постановлению оперуполномоченного оперативной группы лагерного отделения № 2 Алатырского лагеря Г. Клейн был отправлен в карцер на пять суток³⁹. Кроме того, за отказ от дачи показаний обвиняемых в отдельных случаях могли привлечь к уголовной ответственности по ст. 92. То, что показания свидетелей не всегда выручали следствие, видно из следующего примера. Военнопленных Г. Клейна и В. А. Байера пытались обвинить в краже 15 кг ячневой крупы, которая якобы имела место в конце января 1947 г. Однако данное обвинение не удалось предъявить арестованным из-за отсутствия веских доказательств. Оно было основано «только на предположении, не установлено ни место пропажи крупы, ни ее количество, она не была изъята при обыске»⁴⁰. Заявление о пропаже крупы от материально ответственного лица, как выяснилось, также не поступало.

Анализ архивных материалов показывает, что после ареста обвиняемых следствие могло вестись от нескольких дней до нескольких месяцев, в течение которых они содержались в Алатырской тюрьме № 3 и Чебоксарской тюрьме № 1. Допросы арестованных производились в присутствии переводчика и продолжались до нескольких часов, в начале которых их предупреждали об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95. У спецконтингента было право выбора языка (русский или немецкий), на котором будет проходить беседа.

После завершения расследования составлялся протокол об окончании следствия. Затем оформлялось обвинительное заключение, в котором перечислялись факты преступной деятельности, и назначалась дата проведения судебного засе-

³⁷ ГИА ЧР. Ф. Р-2669. Оп. 3. Д. 3520. Л. 27.

³⁸ Там же. Д. 3484. Л. 58.

³⁹ Там же. Л. 22.

⁴⁰ Там же. Л. 223.

дания. Они проводились судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Чувашской АССР в Алатырском и Чебоксарском народных судах и имели закрытый характер. Накануне судебного процесса составлялся список лиц, которым необходимо было явиться на него: обвиняемые и свидетели (как правило, со стороны обвинения). В качестве последних могли выступать не только другие военнопленные и интернированные, но и советские граждане. Свидетели обычно подписывались в том, что не будут давать ложные показания. Перед дачей показаний они говорили, что не имеют личных счетов и родственных отношений с подсудимыми. Обвиняемые имели право на адвоката, но некоторые отказывались от его услуг. Например, военнопленные Г. Клейн, В. А. Байер и Р. Шенау написали записку с отказом от защиты⁴¹. В конце заседания подсудимым давали последнее слово, после чего объявлялся приговор, текст которого затем переводили на немецкий язык. Обвиняемые давали расписку, что данная процедура действительно была проведена.

Что касается советских немцев, служивших в вермахте и принявших гражданство Германии, то суд над ними проходил на закрытых заседаниях военного трибунала Приволжского военного округа. В его состав обычно входили председатель и два члена суда, адвокат и свидетели отсутствовали⁴². Судебное заседание длилось не более двух часов.

Изученные нами документы позволяют констатировать, что подсудимые не всегда признавали себя виновными, ссылаясь на различные обстоятельства. Например, военнопленный Алатырского лагеря № 463 Йозеф Теодор Эмонс отрицал обвинение в антисоветской агитации, утверждая, что позволял себе подобные высказывания под влиянием тяжелых условий плена, из-за трудностей с питанием, слухов о плохом положении семей военнопленных и вероятности новой войны⁴³. Интернированная К. Кригер свои действия объясняла недовольством пребыванием в неволе даже по окончании войны⁴⁴. Интернированная рабочего батальона № 1101 Г. Венцель намерения сжечь бараки называла шуткой⁴⁵. Интернированный подразделения № 1115 Г. Ф. Дамс пытался оправдаться тем, что преступление совершил в связи с молодым возрастом (на момент осуждения ему было 22 года). Многие военнопленные и интернированные объясняли свои незаконные действия тем, что, не всегда разбираясь в тонкостях советского права, не могли представить в полной мере тяжесть совершенных ими деяний, впоследствии квалифицированных как «государственное преступление».

В зависимости от характера обвинения и степени наличия доказательной базы сроки заключения могли быть от 5 до 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества или без нее. К советским немцам, служившим в вермахте и принявшим гражданство Германии, применялось также поражение в правах. Они могли быть приговорены к расстрелу, но при смягчающих обстоятельствах данным военнопленным назначалось наказание в виде 10 лет лишения свободы. Военнопленные и интернированные в течение 72 часов после вручения копии приговора имели право подать кассационную жалобу в Верховный суд РСФСР

⁴¹ ГИА ЧР. Ф. Р-2969. Оп. 3. Д. 3484. Л. 236.

⁴² Там же. Д. 5127. Л. 61.

⁴³ Там же. Д. 3920. Л. 54.

⁴⁴ Там же. Д. 3666. Л. 18 об.

⁴⁵ Там же. Д. 3520. Л. 33.

с изложением аргументов, которые могли бы способствовать изменению приговора. Некоторые этим воспользовались. Однако не всегда получалось отправить ее в срок. Например, в августе 1947 г. в Алатыре не было возможности своевременно перевести жалобу на немецкий язык, так как переводчик уехал в отпуск. В основном такие ходатайства оставались без удовлетворения или удовлетворялись частично (например, могла быть отменена конфискация имущества). Так, военнопленный Г. Клейн в жалобе на имя Генерального прокурора СССР от 4 мая 1951 г. просил пересмотреть дело в связи с сомнением в объективности показаний одного свидетеля: он ссылаясь на неприязненные отношения между ними. Приговор оставили в силе, так как во время суда обвиняемый подобных заявлений не делал⁴⁶.

На основании директивы МВД СССР № 219 от 31 августа 1946 г. «О порядке отбытия срока наказания военнопленными, осужденными советскими судами (трибуналами) за совершенные преступления на территории СССР» они должны были содержаться в лагерях ГУЛАГа, таких, как Воркутлаг, Норильский, Томский лагеря, Карлаг и Сиблаг [1, с. 11]. Это касалось и интернированных, однако они могли отбывать срок заключения и в тюрьмах. Освобождение из мест заключения осуществлялось до 1955 г. после окончания срока осуждения. В 1955 г. оставшиеся военнопленные и интернированные были досрочно освобождены и репатриированы по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1955 г. «О досрочном освобождении германских граждан, осужденных судебными органами СССР за совершенные ими преступления против народов Советского Союза в период войны».

В конце 1980-х гг. начали пересматриваться уголовные дела военнопленных и интернированных, осужденных на территории СССР. Генеральной прокуратурой Российской Федерации и прокуратурами регионов стала проводиться реабилитация. Основанием для нее прежде всего послужили следующие обстоятельства: 1) в качестве основания для осуждения выступало национальное законодательство, чье соответствие международному праву вызывало серьезные сомнения; 2) широко использовался формальный принцип с обвинительным уклоном, не предполагавший доказательства конкретной вины каждого обвиняемого; 3) имело место нарушение элементарных процессуальных норм [15, с. 35 — 36]. Как правило, при принятии решения о реабилитации органы прокуратуры не обращались в суд, а отменяли приговор самостоятельно. Первая реабилитация в Чувашии была осуществлена в 1989 г., когда доброе имя было возвращено интернированным рабочему батальона № 1101 М. Брайтмуз и Х. Хених. Основанием послужило то, что в их действиях «нет призывов к свержению советской власти, отсутствовал и умысел на ее подрыв и ослабление»⁴⁷.

После принятия Закона от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» реабилитационный процесс приобрел планомерный характер. Данный нормативный акт ставил в равное положение российских и иностранных граждан. Следует отметить, что конкретные основания для реабилитации указывались не во всех документах. Например, в отношении военнопленных В. А. Байера, Г. Клейна и Р. Шенау, реабилитированных в 1991 г., отмечалось, что они подпадают под действие данного закона и на этом основании считаются

⁴⁶ ГИА ЧР. Ф. Р-2969. Оп. 3. Д. 3484. Л. 267.

⁴⁷ Там же. Д. 3520. Л. 103.

реабилитированными. При этом их вина была полностью доказанной. Возможно, это было связано с нарушением процессуальных норм во время их осуждения: использование принципа «презумпции виновности», отсутствие адвоката и свидетелей защиты. Кроме того, в начале 1990-х гг. Генеральная прокуратура Российской Федерации признала репрессивный характер политики в отношении иностранного спецконтингента, когда в 4 из 5 случаев они признавались подлежащими реабилитации [15, с. 35]. Также не следует исключать такой момент, как желание России в тот период показать свою лояльность по отношению к западным странам.

Военнопленный Й. Эмонс, несмотря на собственное признание своей вины и ее подтверждение свидетельскими показаниями, был также реабилитирован. Положительное решение по его вопросу было принято на основании того, как отмечалось, что Й. Эмонс «не призывал военнопленных подрывать мощь социалистического государства и его обороноспособность. В его действиях нет мыслей, направленных к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или совершению контрреволюционных преступлений»⁴⁸.

В 2001 г. в республике реабилитировали и советских немцев, служивших в вермахте и принявших гражданство Германии. Например, военнопленный Чебоксарского лагеря № 509 Г. Трестер был реабилитирован по той причине, что на следующий день после прибытия на фронт для участия в боях с советскими войсками добровольно сдался в плен, он не совершал действий в ущерб военной мощи и государственной независимости и неприкосновенности территории СССР. Из этого следовало, что он был осужден без достаточных оснований и на него распространяется действие пункта «а» ст. 3 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий»⁴⁹.

Заключение

Анализ практики привлечения к суду по политическим мотивам военнопленных и интернированных показывает, что оно касалось не только советских граждан, но и распространялось в полном объеме в отношении иностранцев. Многие из военнопленных и интернированных были осуждены справедливо, имело место и нарушение законодательных норм. Основной задачей следствия было получение признания, что вполне объяснимо. В период руководства страной И. В. Сталиным этому придавалось особое значение в доказательной базе. Подаваемые обвиняемыми кассационные жалобы обычно оставались без удовлетворения. Компрометирующие материалы формировались на основе доносительства и свидетельских показаний, практически отсутствовали вещественные доказательства. В связи с широким применением принципа «презумпции виновности» судебные процессы производились с обвинительным уклоном. Обвиняемым полагался адвокат, однако они в отдельных случаях отказывались от его услуг, поскольку присутствие защитника на судебном заседании не играло значительной роли. При проведении судебных процессов учитывались показания свидетелей обвинения и почти не привлекались показания последних со стороны защиты. Нормы как советского, так и международного права не всегда соблюдались должным образом. Однако, в отличие от полностью бесправных советских военнопленных, в отношении

⁴⁸ ГИА ЧР. Ф. Р-2969. Оп. 3. Д. 3920. Л. 55.

⁴⁹ Книга памяти жертв политических репрессий (Чувашская Республика). Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 116, 142, 174, 238, 437 и др.

иностранный спецконтингент судебное преследование велось на основании действующего законодательства. Отметим, что на территории Чувашии привлечение к уголовной ответственности спецконтингента за политические преступления не имело массового характера. Доля таких осужденных составляла не более 0,5 %.

Следовательно, изучение исторического опыта способно оказать позитивное воздействие на улучшение международных отношений, совершенствование законодательства, более тщательное соблюдение правовых норм и возрастание доверия к правосудию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Галицкий В. П. Репрессивная политика Советского правительства в отношении иностранных военнопленных и гражданских лиц (1939 — 1956 гг.) // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии: материалы к Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Вологда: Русь, 1995. С. 3 — 13.
2. Епифанов А. Е. Организация и деятельность советских карательных органов по уголовному преследованию нацистских преступников в период массовой репатриации военных вермахта на родину (1948 — 1950 гг.) // Проблемы военного плена: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Вологда: Изд-во Вологод. ин-та повышения квалификации и переподготовки пед. кадров, 1997. С. 119 — 123.
3. Епифанов А. Е. Реабилитация иностранцев, осужденных за военные преступления // Российская юстиция. 2001. № 1. С. 21 — 22.
4. Конасов В. Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект проблемы. Москва: Ин-т воен. истории, 1998. 163 с.
5. Конасов В. Б., Кузьминых А. Л. Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. Вологда: Вологод. ин-т развития образования, 2002. 231 с.
6. Крупенников А. А. К вопросу о некоторых судебных процессах в СССР в 1947 — 1953 гг. // Народ и война: 50 лет Великой Победы / отв. ред. В. А. Ежов. Санкт-Петербург: Петрополис, 1995. С. 282 — 304.
7. Кузьминых А. Л. Архипелаг ГУПВИ на Европейском Севере СССР (1939 — 1949 гг.). Москва: Полит. энциклопедия, 2017. 591 с.
8. Кузьминых А. Л. Военный плен и интернирование в СССР (1939 — 1956 годы): монография. Вологда: Древности Севера, 2016. 527 с.
9. Малясова Н. Б. Практика доносительства среди интернированных отдельного рабочего батальона № 1102, функционировавшего на Канашском вагоноремонтном заводе // Вестник Чувашского университета. 2011. № 2. С. 79 — 81.
10. Мотревич В. П. Осужденные иностранные граждане в Свердловской области в 1949 — 1955 годах // Проблемы истории общества, государства и права: сборник научных трудов. Вып. 2. Екатеринбург: УрГЮА, 2014. С. 208 — 221.
11. Петров А. Г., Петрова О. В. Восстановление прав и свобод бывших немецких военнопленных в международном и российском законодательстве // Конституция Российской Федерации — правовая основа устойчивого развития законодательства и российской государственности: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию принятия Конституции Российской Федерации и Дню юриста (г. Чебоксары, 3 — 4 декабря 2013 г.). Чебоксары: ЧКИ РУК, 2014. С. 144 — 150.
12. Савенков А. Н. Геноцид советского народа: от истории к праву, без срока давности // Государство и право. 2021. № 9. С. 7 — 30.
13. Смирнова Н. Б. Иностранные военнопленные и интернированные в Чувашии (1942 — 1949 гг.): научный доклад / науч. ред. Г. А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2019. 40 с.
14. Суржикова Н. В. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942 — 1956 гг.). Екатеринбург: Гуманит. ун-т, 2006. 499 с.
15. Суржикова Н. В. «Презумпция виновности»: процессы над военнопленными и интернированными в системе сталинского правосудия 1940-х — начала 1950-х гг. // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 1 (13). С. 35 — 39.

REFERENCES

1. Galitsky V. P. Repressive policy of the Soviet government in relation to foreign war prisoners and the civilians (1939 — 1956). Actual problems of archaeography, source study and historiography: materials on the All-Russian scientific conference, dedicated to the 50th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War. 50th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War. Vologda;1995:3 — 13. (In Russ.)
2. Epifanov A. E. Organization and activity of the Soviet punitive bodies on criminal prosecution of Nazi criminals in the period of mass repatriation of the Wehrmacht military to the homeland (1948 — 1950). Problems of military captivity: history and modernity: materials on the International scientific-practical conference: 2 parts. Vologda;1997:119 — 123. (In Russ.)
3. Epifanov A. E. Rehabilitation of foreigners convicted of war crimes. Russian Justice. 2001(1): 21 — 22. (In Russ.)
4. Konasov V. B. Prosecution of German war prisoners in the USSR. The foreign policy aspect of the problem. Moscow;1998:163. (In Russ.)
5. Konasov V. B., Kuzminykh A. L. German war prisoners in the USSR: historiography, bibliography, reference and conceptual apparatus. Vologda;2002:231. (In Russ.)
6. Krupennikov, A. A. Some trials in the USSR in 1947 — 1953. People and War: 50 Years of the Great Victory / ed. by V. A. Ezhov. Saint Petersburg;1995:282 — 304. (In Russ.)
7. Kuzminykh A. L. Archipelago of Main Administration for Affairs of Prisoners of War and Internees in the European North of the USSR (1939 — 1949). Moscow;2017:591. (In Russ.)
8. Kuzminykh A. L. Military captivity and internment in the USSR (1939 — 1956): monograph. Vologda;2016:527. (In Russ.)
9. Malyasova N. B. The practice of denunciation among the internees of the separate working battalion No 1102 functioned at the Kanashskiy car repair plant. Vestnik of the Chuvash University. 2011(2):79 — 81. (In Russ.)
10. Motrevich V. P. Convicted foreign citizens in the Sverdlovsk region in 1949 — 1955. Problems of the history of society, state and law: a collection of scientific papers. V. 2. Yekaterinburg;2014:208 — 221. (In Russ.)
11. Petrov A. G., Petrova O. B. Restoration of the rights and freedom of former German war prisoners in international and Russian legislation. Constitution of the Russian Federation — the legal basis for sustainable development of legislation and Russian statehood: the collection of materials on the international scientific and practical conference, dedicated to the 20th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation and the Day of the Lawyer (Cheboksary, December 3 — 4, 2013). Cheboksary;2014:144 — 150. (In Russ.)
12. Savenkov A. N. Genocide of the Soviet people: from history to law, without statute of limitations. State and Law. 2021(9):7 — 30. (In Russ.)
13. Smirnova N. B. Foreign war prisoners and the internees in Chuvashia (1942 — 1949): scientific report / scientific ed. G. A. Nikolaev. Cheboksary;2019:40. (In Russ.)
14. Surzhikova N. V. Foreign war prisoners of the Second World War in the Middle Urals (1942 — 1956). Yekaterinburg;2006:499. (In Russ.)
15. Surzhikova N. V. “Presumption of guilt”: trials of war prisoners and the internees in the system of Stalin’s justice in the 1940s — early 1950s. Vestnik of Perm University. 2010;1 (13):35 — 39. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.01.2025;
одобрена после рецензирования 27.02.2025; принята к публикации 28.02.2025

Информация об авторе:

Смирнова Наталья Борисовна, научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1), кандидат исторических наук,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5483-3840>, da777L@yandex.ru

*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

The article was received by the editors on 22.01.2025;
approved after reviewing 27.02.2025; accepted for publication 28.02.2025

Information about the author:

Natalia B. Smirnova, Researcher at the Chuvash State
Institute of Humanities (29/1 Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),

Candidate of Historical Sciences,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5483-3840>, da777L@yandex.ru

Conflict of interests: the author declare that there is no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 22.01.2025 җитнӗ;
рецензиленӗ хыҗҗӑн 27.02.2025 ырланӑ; 28.02.2025 пичете йышӑннӑ

Автор җинчен:

Смирнова Наталья Борисовна, Чӑваш патшалӑх
гуманитари ӑслӑлӑхӗсен институчӗн сотрудникӗ
(428015, Раҗҗей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.)

истори ӑслӑлӑхӗсен кандидаҗӗ,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5483-3840>, da777L@yandex.ru

Пайталӑх конфликчӗ: автор пайталӑх конфликчӗ җуккине пӗлтерет.

Автор ал җырӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.